

КОФЕЙНЯ

Скажите мне, чем должно пахнуть в кофейне?

— Наверное, чем угодно, но только не кофе...

...Грусть. То место, в котором можно найти себя среди музыки. Искать то, чего нет, среди пустых стульев. Или обжигать пальцы об сигареты, пеплом размывая страницы, в которых автор нашел тебя.

— Позвольте...

— Да, присаживайтесь, — не отводя глаз от книги, ответила она.

Шекспир, «Сонеты о любви». Красивая обложка. Громкое имя и... разбитое сердце женщины, дополняющие друг друга. Так могло показаться на первый взгляд.

ВЯЧЕСЛАВ ПРАХ

В тоске не гаснет жар мятежный,
Горит за сенью гробовой,
И к мертвой пламень безнадежный
Святее, чем любовь к живой...

— Удивительно. Так точно и с чувством...
Шекспир.

Такого ответа он больше всего ожидал, но меньше всего хотел услышать.

— Нет. Это Байрон, — с каким-то волнением, но без всякого удивления произнес он.

Она склонила голову и, подкурив новую сигарету, продолжила увлеченно изучать страницы. Будто его и не было вовсе.

— Уходите.

— Вы кого-то ждете. Кого-то, кто с опозданием на два месяца и шестьдесят две чашки выпитого кофе так и не соизволил опоздать.

Она подняла голову и посмотрела на него так, будто он прочитал ее мысли. Загадочный взгляд, хоть и весьма предсказуемый.

— С чего вы это взяли? — в недоумении спросила она.

— Когда вы приходите и открываете книгу, вы кладете левую руку так, чтобы хорошо было видно время. Если приглядеться, то можно заметить, что смотрите вы вовсе не в книгу, а на

КОФЕЙНЯ

свои часы. Создаете иллюзию отдыха, в то же время ограждаете себя от таких, как я.

— Но как... Как вы могли за мной наблюдать, если сидели все время спиной ко мне?

— Здесь нет ничего странного. С вашего столика, если смотреть в окно, видна улица. С моего — ваш столик. И получилось, что мы оба смотрели в окно. Вы — на прохожих, а я — на вас.

— Кого ждете вы? — с явным интересом спросила она.

* * *

Глаза цвета кофе. Губы оттенка розы. И музыка... Такая же безвкусная, как и их латте.

— Не смотрите на меня так, — делая глоток кофе, отвела взгляд она.

Куда она смотрела? На прохожих. Нет, скорее, мимо них. На серые тротуары, или вошла в тон не менее серой суеты. Этот взгляд был ему знаком. Она во всем видела человека, но никак не могла его найти.

— Как мне на вас не смотреть? — устало спросил он.

— Так, будто все обо мне знаете, — ответила она, по-прежнему глядя в окно.

Была ли она замужем? Была. Он это понял по ее рукам. Кольца на пальце не было, но его след

ВЯЧЕСЛАВ ПРАХ

она продолжала неосознанно гладить. Временный след... Это было видно по глазам, по ее походке и даже по тому, как она держит сигарету. Это мужчине скрыть свой брак — как окурочек выбросить. У женщин с этим сложнее.

— Как я выгляжу? — после длительной паузы она перевела взгляд в его сторону. Затем посмотрела на часы и, не дожидаясь ответа, добавила: — Мне пора.

Его не смутил ее внезапный уход, как и то, что ответа на вопрос не прозвучало. Напротив, он и не думал на него отвечать, и не стал провожать ее взглядом. Спустя время его внимание привлек еще один посетитель этой кофейни. Вредный, толстый мужчина лет сорока пяти. Скажем так, манеры этого типа были куда дешевле его костюма. Как и всегда, он заказал кофе по-ирландски и попросил дать ему меню. Это уже было его привычкой: пить крепкий кофе с дешевым виски, а глядя в меню — недовольно бурчать. Но проблема была в другом.

«Когда тебе было холодно, я надевал на тебя свой свитер, и мне становилось теплее. Когда тебе было больно, я сжимал зубы и шептал в гневе о себе. Я знал вкус твоих слез, бесконечно целуя мокрое лицо. А ты даже не знала, во сколько я

КОФЕЙНЯ

завтра чужой. Я молился о тебе по средам, когда ты заводила будильник на восемь. А в четверг я тебя ненавидел. Без пятнадцати девять...»

Он закрыл книгу и положил ее возле себя. Встав с кровати, стал искать спрятанную пачку сигарет. Два года и четыре месяца он сжимал эту пачку в руках, не открывая ее. Два года борьбы с собой. Его манил этот дым. Глубокая тяга. Секундное облегчение. А с выдохом уходило все то, что наболело. Достав сигарету, он стоял минуты две, все крепче сжимая ее в зубах. После чего взял и смял ее в кулаке, рассыпая по полу. Этой ночью он уснул победителем, чтобы утром вновь объявить себе войну.

Холодный душ. Крепкий чай без сахара. В семь утра этот город просыпался и ненавидел все вокруг. Люди вставали и заканчивали день двумя постоянными мыслями: как мне выспаться и какая жизнь дерьмо. Он каждый день поднимался в это время, выходил на балкон и смотрел на них, хмурых, полусонных. Людей без яркости. Размытых. Они спешили на работу, которую ненавидели чуть меньше своего босса. Зарабатывали деньги, чтобы тратить их на то, что им не по карману. И все время стремились к роскоши, не имея даже свободы.

Допивая свой чай, он заходил обратно в квартиру, оставляя за стеклом недовольные лица, во

ВЯЧЕСЛАВ ПРАХ

всем винившие жизнь. Переводил будильник на двенадцать и, натягивая на себя теплое одеяло, еще больше влюблялся в утро.

* * *

Когда Роза открыла дверь кофейни, на часах уже было четыре. Он, как обычно, сидел спиной к ней за соседним столиком и думал о чем-то своем. Не узнать ее шаги было сложно. Ему каждый день, на протяжении двух месяцев, приходилось их слышать. В этих шагах не было ничего особенного, но спутать их с другими он не мог. Подойдя к своему столику, она заметила книгу и закладку на одной из страниц. Он не видел, но каждой клеткой спины чувствовал, как она смотрит то на книгу, то на него. И в какой-то момент ему показалось, что она задержала на нем свой взгляд. Нет, не показалось. Он был в этом уверен.

Мысли тонули в чашке ее латте. Она водила ложкой по дну, будто размешивала вкус горьких букв. Шелест страниц. Глубокие затяжки дымом. Ее тонкие пальцы обжигала сигарета, что дотлевала в ее руке. Она была увлечена.

Дождь стучал в окно и навевал прохладный порыв грусти. Воспоминаний. Нелепых улыбок длиною в секунды, затем глухих ударов в груди, от которых

КОФЕЙНЯ

порой можно было задохнуться. В такие минуты, наедине с дождем, ты готов верно ждать солнца. А с его приходом — и дальше тонуть в своих лужах. А может, дело не в погоде? Слабость времени — настоящее. Сегодня ты живешь вчера. А завтра снова... Незаметно. Быстротечно. И все проходит, кроме прошлого. Ему позволено быть вечным...

Он даже не заметил, как Роза подошла и встала у него за спиной. Неудивительно: он был слишком погружен в свою бездну. Так бывает, когда твой корабль разбился, а ты, глядя в сторону берега, решаешь для себя тонуть. И неважно, что до суши рукой подать. Тебе не страшно: идешь на дно вместе с обломками. Но разве считаешь, что топишь себя сам? Конечно, нет. Во всем виноват шторм.

* * *

— Слишком много вопросов, когда не о чем спросить, — нарушил молчание он.

Роза прикрывала ладонью рот, чтобы он не услышал, как трудно ей стало дышать.

— Присядьте, — попросил он ее, отодвинув свободный стул.

Выложив пачку своих сигарет, она крепко сжала книгу и посмотрела на него пустыми глазами.

ВЯЧЕСЛАВ ПРАХ

— Меня зовут Лау...

— Вас зовут Роза, — оборвал ее он, отводя взгляд в сторону окна.

Проигнорировав его слова, она достала из пачки мужских крепких Lucky Strike сигарету и начала искать по карманам свою зажигалку. Не найдя ее там, она принялась обыскивать свое пальто. Но и в нем оказалось пусто.

— Вы курите? — спросила она у него в надежде на очередную порцию дыма.

Он улыбнулся и, достав из кармана пачку своих сигарет, посмотрел на нее и положил обратно в карман.

— Нет, Роза, я не курю, — спокойно ответил он.

Взгляд. Этот взгляд. Она посмотрела на него, как на сумасшедшего, и встала из-за столика, надевая пальто. Но не успела она сделать и шага, как он крепко взял ее за руку и тихо попросил: «Оставь книгу».

Она смотрела ему в глаза, как январь бы смотрел на июль. Холодный, стеклянный взгляд. Но и он отводить глаз не думал: вглядываясь, он увидел нечто большее, чем просто лед. Он был уверен: еще от силы секунд семь — и этот лед начнет таять...

КОФЕЙНЯ

— Я оставлю ее себе, — спокойно и твердо, как показалось ей, сказала она.

Роза присела и, взяв в губы сигарету, открыла страницу, на которой закончила свое путешествие. Он, достав из внутреннего кармана своего пиджака зажигалку, наклонился к ней, чтобы дать ей прикурить, но она решила отказаться, отведя голову в сторону. Положив на стол зажигалку, он следил за ее пальцами. Зачем?..

«Я не любил шумных компаний, да и сейчас, в общем-то, не люблю. Пустые разговоры. Смех непонятно от чего: то ли анекдот оказался удачным, то ли неудачник решил спрятать себя за смехом. Ох, какая удача... Фальшь. Люди прячут себя за таким жирным куском лжи, оставляя правду себе на диету. Они давятся сплетнями и прячутся за спинами, а когда дело касается их, только тогда они начинают убавлять громкость.

Ты меня понимаешь и понимала каждую секунду, когда я не понимал себя. Вспомни тот вечер, когда ты решила познакомить меня со своими друзьями. Вспомнила? Я держал руки за спиной не потому, что хотел произвести впечатление солидного мужчины с ровной осанкой и гордо поднятой головой. Нет, не потому. Я просто не хотел быть к ним ближе. Пожать руку. Пустяк?